

Овсянникова А.В.

Офисная целина

«Сегодня все газеты напечатали, что какие-то люди взломали офисные помещения, расположенные на этажах с десятого по пятнадцатый небоскреба "Хейн Тауэр", выбрались через окна наружу и нарисовали на южном фасаде здания улыбающуюся рожу высотой в пять этажей, а затем устроили пожар в комнатах, расположенных в центре гигантских глаз, так, чтобы они сияли как живые над погруженным в предрассветные сумерки городом.[...]

Кто нарисовал зловещую рожу на "Хейн Тауэр"?

Представьте себе, что в ту ночь, когда происходили события на "Хейн Тауэр", в офисные помещения проникла группа помощников юристов, делопроизводителей или курьеров, которые днем там работали. Может быть, они слегка выпили, хотя это и запрещено правилами "Проекта Разгром". К некоторым дверям ключи у них были подобраны заранее, в других случаях они пользовались баллончиками с фреоном, чтобы взломать замок. А затем одни карабкались, упиравшись подошвами ботинок в кирпичный фасад здания, в то время как другие держали веревки, которые раскачивались в воздухе: они высовывались из окон, рискуя потерять жизнь в той самой конторе, где день за днем вели размеренное, разграфленное по часам, существование.

А на следующее утро те же самые клерки и счетоводы с аккуратно зачесанными волосами, с глазами красными от бессонницы, но трезвые, стояли, задрав головы, в толпе и слушали, как люди вокруг недоумевают, кто бы мог это сделать и как полиция уговаривает всех отойти от здания, в то время как водопады извергаются из потухших и закопченных глаз гигантского монстра»¹.

Чак Паланик, «Бойцовский клуб».

***

Однажды сотрудник крупной аудиторской компании ровно в шесть часов вечера выключил компьютер, встал и ушел. Это повторилось на следующий день, и через день. Кто-то из коллег, забеспокоившись, спросил, все ли у него в порядке. Тот ответил: «Да в отпуске я, в отпуске!»

Анекдот.

---

¹ Как похоже на НПШников-«альпинистов»!

***

Был на встрече в офисе у клиента. Когда уже уходил, в приемной на столе у секретаря, смотрю – список сотрудников лежит! Схватился за телефон, сделал вид, что звоню, а сам, конечно, фотографировать. Думал, незаметно, а заметили. Сразу моему начальству позвонили, ну, меня в тот же день и уволили.

История из жизни рекрутера.

1.

Пять дней в неделю в 9 или 10 часов утра в провинции и в 10 или 11 часов утра в столице легионы офисных работников включают свои компьютеры. Сколько их? – никто не знает. В Общероссийском классификаторе занятий понятия «офисный служащий» нет. Составить грубую прикидку позволяет статистика численности занятых в экономике: на конец ноября 2004 г. в России было чуть более 4,5 миллиона «среднего персонала в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности» и «работников, занятых подготовкой информации, оформлением документации и учетом».² В их число, скорее всего, не входят IT-специалисты, исследователи, проект-менеджеры, дизайнеры и копирайтеры всех мастей и многие другие, проводящие свой рабочий день за монитором, телефоном, бумагами, составлением текстов и участием во встречах и совещаниях, с перерывом на обед. Разумеется, статистика не учитывает и работающих «по-черному», без оформления. Так что, ориентируясь на цифру порядка 10 миллионов человек, вряд ли мы сильно погрешим против истины.

Это очень много. Слишком много, чтобы вслед за официальной статистикой не замечать масштаба явления. Офис не только покупает треть жизни, но и выплескивается за ее пределы, определяя и видоизменяя оставшиеся две трети. Офис задает критерии, которым каждый конторский служащий обязан соответствовать, не важно, делает он карьеру или доволен статус-кво. Офисный образ жизни порождает культуру, набор правил и ценностей, образ жизни, социальную модель. Именно в офисах трудится средний класс. В России он не обеспечивает ни электорального большинства, ни национального богатства для присосавшейся к нефтяной и газовой трубе экономики. В этом парадоксальность его положения, поскольку будучи средним классом он все-таки занимает центральное положение в социальной структуре. Обходя офисный люд стороной, гражданская деятельность обрекает себя на маргинализацию.

Может быть, пришло время познакомиться с привычным и обыденным до степени абсолютной неизведанности офисным тружеником?

---

² http://www.gks.ru/free_doc/2005/b05_13/05-09.htm

2.

Блеск... В эпоху перемен не любят жить не только китайцы. Люди ценят стабильность, и офис ее дает. Можно планировать свое время хоть за неделю, хоть за год. Можно планировать личные финансы, и это крайне важно. А одно в сочетании с другим и есть ни что иное, как управление собственной жизнью. Определенность позволяет пускать корни: рожать детей и обрести имуществом, включая немислимую еще совсем недавно покупку квартиры в кредит. Мало что унижает так сильно, как нищета, поэтому материальное благополучие, пусть умеренное, оберегает человеческое достоинство. Укреплению уважения как нормы отношения к себе и к окружающим (клиентам, сослуживцам) способствует и современная офисная культура (по сравнению с советской конторской) с ее представлениями о деловых приличиях и «гигиене» рабочего процесса. Офис – это социальный лифт: «девочка на побегушках» довольно легко может вырасти в офис-менеджера, бухгалтера, менеджера по продажам или по персоналу, и далее сделать неплохую карьеру. Офис – это социальный пакет. Работодатель закупает медицинские страховки, профессиональные тренинги, фитнес, обеды и многое другое оптом, предоставляя сотрудникам доступ к благам, которые по розничной цене были бы им не по карману. Офис – это лоск: от слов «эффективность», «динамичность» и «успех» пахнет разогретым ксероксом и свежесмолотым кофе.

...И нищета. Офис заставляет толкаться в общественном транспорте или задыхаться в пробках в час пик, пытается «сов» ранними подъемами, а курильщиков – муками абстиненции. Офис загоняет людей в cubicles, безликие, как гробы, и такого же примерно размера. Офис связывает смиренными рубашками деловых костюмов и душит галстуками. Офис – это сколиоз, гастрит, ожирение, пересушенная кондиционерами кожа и непрекращающийся невроз. Офис – это апофеоз лицемерия, со всеми этими пафосными миссиями компании, фальшивым, как святые мощи, весельем на корпоративных вечеринках и измерением добра и зла в цифрах прироста продаж. Офис требует непрерывно доказывать лояльность фирме в лице непосредственного начальника, работая сверхурочно, ни на секунду не отключая телефон из опасения пропустить важный звонок и демонстрируя трудовой энтузиазм. Не нужно кивать на искренне распевующих корпоративные гимны и не пользующихся отпуском японцев: достаточно взглянуть на их статистику самоубийств.

3.

Традиционно считается, что права человека возникают и существуют в измерении «человек – государство». Правозащитники традиционно «воюют» за права человека с государством. Часто используется синоним: «власть», «власти». Понятно, что это не тождество. Но в какой степени это эвфемизм?

Можно считать, что власть основана на прямом, буквальном насилии. Тогда – да, право на насилие (повелеть, заставить, забрать, не пустить, порой даже убить) есть только у государства. Во все остальные отношения

(за исключением еще родительской власти) мы, вроде, вольны не вступать. Не нравится запах? – Отойди и не нюхай. Все еще пахнет? – Отойди подальше. Еще дальше. Там то же самое? Ну что ж, тогда терпи, а лучше расслабься и постарайся получить удовольствие.

Государство применением инструментов насилия обеспечивает исполнение формальных правил, писанных законов. Экономисты-институционалисты хорошо знают, что неформальные нормы на практике куда сильнее, куда устойчивее. Как еще назвать институты, обеспечивающие их реализацию, если не властью?³

Среди таких институтов – язык; потоки информации, экспертного знания и массовых коммуникаций; общественное мнение; структуры повседневности; наконец, деньги. Они и обеспечивают власть СМИ и моды, власть врача над пациентом, продавца над покупателем, власть работодателя над работником,⁴ власть корпорации над местным сообществом.⁵ Между прочим, власть тех же СМИ, того же общественного мнения, тех же экспертных сообществ и тех же корпораций над самим государством.

Рассмотрение власти в широком смысле, как доминирования более сильных субъектов над более слабыми, позволяет включать в правозащитный дискурс отношения, возникающие за пределами оси «человек – государство». Только тут все специфично: и сами права, и их нарушения (слишком неуловимы, проскакивают сквозь формально-юридическое сито), и, соответственно, способы их защиты.

4.

Крупнейшая в мире корпорация General Electric стоит 383 млрд. долларов.⁶

В России в 2004 году суммарная выручка «Газпрома» и РАО ЕЭС равна 45,7% доходов федерального бюджета.⁷ Иными словами, государство Российская Федерация по доходам всего вдвое богаче, чем эти две корпорации.

---

³ Здесь прагматичные экономисты вступают в интеллектуальный альянс с почти эзотерическими постструктуралистами; альянс против буквалистского юридического восприятия. Забавно.

⁴ Цитата из Социального отчета Финансовой корпорации «Уралсиб» за 2004 год: "Руководство Корпорации считает своим долгом совершенствование не только профессиональных, но и личных качеств своих сотрудников".

⁵ Оттуда же: "Корпорация способствует развитию регионов, осуществляя пропаганду и внедрение корпоративных ценностей не только среди своих сотрудников, но и среди населения".

⁶ На середину 2004 г.; <http://www.media-online.ru/index.php3?id=1308>

⁷ <http://www.gazpromquestions.ru/news/news20.html>

http://www.rao-ees.ru/ru/investor/finans/show.cgi?fin_pok_5.htm

<http://www.nikoil.ru/PORTAL.NSF/ShowPNews.nikoil?Open&ID=BE515CB9F489292CC325700D0020814C>

Если же пересчитать доходы на одного человека, то в «Газпроме» они составят 2,688,484 руб. в год на одного занятого (да, все верно: более двух с половиной миллионов рублей), в РАО ЕЭС - 1,407,867 руб.⁸ В РФ в пересчете на одного жителя бюджетные доходы составляют 23,615 руб. в год, в пересчете на одного трудящегося – 55,678 руб. в год.⁹ Сравнение этих цифр, отличающихся в 500 – 1000 раз, не имеет четкого экономического смысла (сказать: «Один человек создает финансовую мощь, в тысячу раз превосходящую...» было бы слишком в духе вульгарного марксизма). Однако, если согласиться, что деньги – это власть, то оно иллюстрирует масштаб этой власти вполне наглядно.

Все функции государственной власти – законодательная, судебная, репрессивная, представительская, распределительная и даже военная – в той или иной степени подвержены приватизации через коррупцию. Масштабы и формы разнятся, но так или иначе коррупция существует везде.

Корпорации контролируют сферу медиа: СМИ (впрочем, в России это не так), издательское дело, кинопроизводство, реклама.

Доля Microsoft на мировом рынке операционных систем может достигать 95%.¹⁰ По существу, Microsoft определяет, как будут работать практически все компьютеры в мире, а значит, как на этих компьютерах будут работать их пользователи.¹¹

Даже относительно свободная среда Интернета и та в значительной степени зависит от корпораций, поскольку структурируется поисковыми машинами, софтом,¹² крупными коммуникационными порталами, принадлежащими корпорациям, причем совсем не непременно большим. Например, огромный блоггерский сервер LiveJournal.com (10,200 тыс. созданных с 1999 г. аккаунтов¹³) принадлежит компании Six Apart, не просто не «крупной», но относящейся скорее даже к мелкому, чем к среднему бизнесу.¹⁴

Антиглобалисты выдвигают в адрес корпораций обвинения в серьезных преступлениях и нарушениях прав человека: в экологических катастрофах, сотрудничестве с диктаторскими режимами, навязывании потребителям вредной для здоровья продукции, нарушениях базовых

---

⁸[http://asozd.duma.gov.ru/intranet/kom02.nsf/4f5ea4e1d319b724c32566e3002c8a95/75b521dde55d4378c32570bd0059b778/\\$FILE/фин.-экон.%20обоснов..doc](http://asozd.duma.gov.ru/intranet/kom02.nsf/4f5ea4e1d319b724c32566e3002c8a95/75b521dde55d4378c32570bd0059b778/$FILE/фин.-экон.%20обоснов..doc)
<http://846.ru/0-1234-7154-1/20051217-20051218/2979346--0/>

⁹ <http://www.perepis2002.ru/?id=7>; <http://www.perepis2002.ru/ct/doc/vozs5.html>

¹⁰ <http://www.catalogueofmass-media.ru/index.php?dn=news&re=print&id=706>

¹¹ Microsoft запатентовала новую версию технологии cookies. Обычные cookies уникальны для каждого сайта, т.е. посторонние ресурсы не могут узнать, посещал ли пользователь некий сайт. Новая версия позволяет убрать это ограничение, раскрывая для третьих лиц информацию о том, покупал ли данный пользователь билет на самолет через сайт такой-то, куда летал, что искал в поисковике, и так далее. Все, конечно, делается во имя «персонализации сайтов и улучшения качества обслуживания»// КомпьюТерра №19, 2006.

¹² Недаром появился и получил широкое распространение парафраз знаменитой фразы Оруэлла «Big brother is watching you». Теперь это все чаще звучит как “Big browser is watching you”.

¹³ <http://www.livejournal.com/>

¹⁴ <http://www.sixapart.com/about/history>

принципов трудового права, использовании детского труда, запрете деятельности профсоюзов, сверхэксплуатации и т.д.¹⁵

Одна из сквозных тем сегодняшних литературы и кино – противостояние бунтаря-одиночки и корпорации (не государства), обладающей полнотой власти, включая мандат на насилие. «Бегущий человек» Кинга, «Фирма» Гришэма, «Джонни Мнемоник» Гибсона, да и почти весь Гибсон, более того, почти весь киберпанк именно об этом. Современный портрет злодея – это Агент Смит из «Матрицы»: безликий, вездесущий, неуловимый, размножающийся методом медиа-штамповки.

5.

Но и без апокалиптического размаха глобализации и киношных ужасов все довольно серьезно. Поле власти существует даже в маленьком офисе небольшой фирмы. И это поле обладает своей спецификой.

Во-первых, у него, помимо формальной (юридические права и обязанности сторон), имеется масштабная неформальная компонента, привнесенная общемировой (вот и глобализация) технологией офисного труда. Сплетение формальных и неформальных правил образует такие стандартные институты, как рабочее и нерабочее время, правила делопроизводства и учета, этика и этикет делового общения, приемы работы с информацией, разделение труда и штатные функции, зонирование помещений и дресс-код.

Во-первых, оно, следовательно, не ограничивается поляризацией «начальник - подчиненные», но обнимает весь офис, включая руководство, снаружи, поскольку перечисленные стандартные институты универсальны.

В-третьих, оно завуалировано. В офисном мире, как нигде, распространена риторика «командности», «общего дела» и т.п. Асфальтоукладчику или командиру воинской части вряд ли приходится часто слышать, что он на работе «реализует свой потенциал» или что он должен быть «успешен».

6.

Офис – территория массового нарушения прав работников.

Оно может быть прямым и очевидным, как, например, переработки, не просто широко практикуемые, но и считающиеся во многих компаниях и целых отраслях хорошим тоном, давно вошедшие в норму. Тут и рабочие

---

¹⁵[http://www.resist.ru/index.php?razdel=%D1%EE%EF%F0%EE%F2%E8%E2%EB%E5%ED%E8%E5%20%E3%EB%EE%E1%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%E8&Name=%C3%D0%DF%C7%CD%DB%C9%20%D2%CE%CF%20\(dirty%20top\)%20%F2%F0%E0%ED%F1%ED%E0%F6%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%FB%F5%20%EA%EE%F0%EF%EE%F0%E0%F6%E8%E9](http://www.resist.ru/index.php?razdel=%D1%EE%EF%F0%EE%F2%E8%E2%EB%E5%ED%E8%E5%20%E3%EB%EE%E1%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%E8&Name=%C3%D0%DF%C7%CD%DB%C9%20%D2%CE%CF%20(dirty%20top)%20%F2%F0%E0%ED%F1%ED%E0%F6%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%FB%F5%20%EA%EE%F0%EF%EE%F0%E0%F6%E8%E9)

выходные (распространенная идеологема: «Если ты не справляешься с работой в урочное время, значит, ты плохо работаешь»; при этом норму выработки для офисного работника, в отличие от рабочего на конвейере, установить зачастую невозможно), и двухнедельный отпуск, и поздние совещания. Для офисов типична скорая и жесткая расправа с увольняемыми,¹⁶ невыполнение льгот, связанных с учебой, материнством, болезнью и т.п.

Как и в любой другой области занятости, сверхэксплуатации способствует «черная» или «серая» схема оплаты труда. Работнику, который требует 40-часовой рабочей недели, достаточно перестать выдавать «конвертную» часть зарплаты, после чего он, скорее всего, очень быстро уволится сам. Ужесточения налогового контроля последних лет и некоторое «окультуривание» российского рынка, его интеграция в мировую экономику привели к заметной легализации зарплат (и, кстати, постепенному отмиранию наиболее диких нарушений трудового права, таких, к примеру, как штрафы за малейшие нарушения). Но ничто не мешает вместо конверта пользоваться «бонусом», который начисляется и выплачивается по усмотрению руководства. Если бонус составляет основную часть дохода работника, то он как средство давления ничуть не хуже конверта и даже лучше, поскольку лишает рассерженного работника такого средства давления, как сообщение «куда следует» по поводу неуплаты фирмой налогов.

Впрочем, *noblesse oblige* сильнее любых писаных приказов и распоряжений. Если в компании приняты определенные нормы поведения, то человек будет им следовать как бы добровольно. Потому что заинтересован в продвижении, в благоприятном для себя распределении заданий, в нормальном к себе отношении. Профсоюзы в свое время были очень горды изобретением «забастовки по правилам», но ведь эта же самая игра по правилам может легко быть обращена и против работника.

Отдельное и специфичное именно для офисной культуры явление – корпоративные тренинги и корпоративные вечеринки. Они сплошь и рядом назначаются на нерабочее время, компания преподносит их как подарок, как большое одолжение работнику, как проявление отеческой о нем заботы.¹⁷ Но не ходить туда – не «нельзя», а «невозможно». И в случае с тренингами хорошо еще, если с сотрудника не берут расписку об обязательстве возместить фирме стоимость обучения при увольнении по собственному желанию ранее некоторого оговоренного срока.

---

¹⁶ Примеры из Интернета: увольнение с мотивировкой «неправильная аура»; увольнение сотрудника, которому босс позвонил по какой-то надобности в субботу вечером и обнаружил, что тот нетрезв; попытка увольнения сотрудницы за глупый, пошлый текст приветствия на автоответчике мобильного телефона; увольнение секретаря за то, что пила кофе с подругой – секретарем в конкурирующей фирме. Моя подруга, очень полная, потеряла работу секретаря при смене начальника; нового босса не устроила ее комплекция.

¹⁷ Вот, пожалуйста: в составленный Институтом Европы рейтинг ста компаний, где служащим приятнее всего работать, попала бельгийская фирма Coffinimmo. Попала за то, что, когда в нее нанимают нового работника, весь персонал (около ста человек) выезжает на уикенд на турбазу за счет работодателя. <http://www.vz.ru/society/2006/5/21/34452.html>. Другой пример (правда, это слух): в некоей российской организации сотрудникам за счет фирмы выдали абонементы в фитнес-клуб, а потом штрафовали за непосещение.

Сплошь и рядом в офисах небольших, небогатых фирм грубо нарушаются формальные и неформальные эргономические нормы. Люди работают в помещениях без окон, в душных, плохо проветриваемых помещениях, в условиях скученности, недостаточной освещенности и т.п.

«Но и это еще не все», как говорят в рекламных роликах телемагазинов. Понятие о приватности, о неприкосновенности частной жизни в офисе сплошь и рядом воспринимается как оксюморон, «работа» и «частное» в одном измерении не уживаются. Право, порой хочется читать краткий курс марксизма, объясняя, что за зарплату человек продает свой товар «рабочая сила», а не сдает в аренду на 8-10 часов в день брэнное тело и бессмертную душу.

Такие правила, как

- запрет пользования личным мобильным телефоном в офисе, официально мотивируемый невозможностью прослушать такой разговор, либо, наоборот, запрет на звонки по личным вопросам с рабочего телефона, даже если мать хочет убедиться, что ребенок благополучно вернулся из школы,
- обыск на входе и выходе, связанный с запретом проноса любых устройств, могущих быть использованными как носители информации,
- работа в запертом снаружи офисном помещении,
- камеры видеонаблюдения (вплоть до сортиров!¹⁸),
- ограничения и контроль Интернет-трафика (я знаю несколько организаций, где в официальные должностные обязанности сетевого администратора входит «снятие» cookies и журнала с браузеров сотрудников; эта сводка кладется на стол начальнику),
- регламентация чаепития (в буквальном, а не социальном смысле слова), например, запрет пить чай на рабочем месте или запрет пить чай более двух раз в день,
- материальное поощрение некурящих сотрудников, отсутствие в офисном помещении мест для курения (т.е. курить – на улицу, даже зимой), регламентация количества перекуров,
- психологическое тестирование и медицинское освидетельствование при приеме на работу (подчеркну: на работу клерка, а не авиадиспетчера или повара комбината детского питания), результат которого частенько направляется руководству, но не самому пациенту (большой привет клятве Гиппократу),

---

¹⁸ Непроверенный слух: на одном из гигантов отечественной промышленности, говорят, сотрудникам конторы выдают два талончика на посещение туалета на день.

- обязательное коллективное отправление своеобразных культурных и религиозных обычаев, если ими увлекается руководство,
- дресс-код, включающий, бывает, запрет на ношение чулок (под юбкой!) и требования к макияжу,
- неудобная, громоздкая пропускная система,

считаются в порядке вещей и никем, зачастую включая самих офисных тружеников, не воспринимаются как нечто неприемлемое. Некоторые замечают, что это неудобно, некомфортно; но мысль о том, что «так нельзя», весьма экзотична.¹⁹

Что же касается права на неунижающее человеческое достоинство обращение... Однажды я оказалась по своим делам в офисе крупного издательского концерна. В огромном зале сидели сотрудники редакций нескольких журналов. Между их столами ходил начальник и орал на них, точнее, на каждого персонально, по очереди, в выражениях, которым до русской народности не хватало разве что упоминания деталей интимной жизни родственников по женской восходящей линии. Предметом выволочки были, кажется, массовые опоздания в день после сдачи номера. Начальник ничуть не смущался ни тем, что унижал людей в присутствии их коллег, ни знным количеством посторонних посетителей, таких как я. Зрелище было ярче и выразительнее советской пропаганды и Кукрыниксов, поднаторевших в изображении звериного оскала капитализма и ужасов эксплуатации человека человеком.

Я сразу окрестила про себя этого начальника «прапорщиком». Может быть, не случайно. Офис – это режимное предприятие: в нем существуют ограничительные внутренние правила и, главное, существует КПП, даже если он представлен корректнейшим security в дизайнерской униформе или секретарем-рецепционисткой с улыбкой из-под рекламы зубной пасты.

Одна из правозащитных аксиом гласит: в любом закрытом или полузакрытом учреждении, везде, где есть проходная, нарушение прав человека происходит почти наверняка. Офис, в отличие от богадельни или зоны, место «приличное». Ну, так и нарушения там под стать, тихие, ползучие, незаметные.

Действительно, вряд ли команде, месяц работавшей над срочным проектом в режиме аврала, без выходных, до ночи и сдавшей его вовремя, а потом обнаружившей, что никому это было не нужно, потому что смежный отдел принялся за свою часть работы еще только через месяц, придет в голову обращаться в суд или к правозащитникам. Трудно себе представить привлечение к ответственности руководства, объявившего среди сотрудников конкурс на девиз компании с призом победителю, собравшее сотни слоганов, а в итоге купившее у PR-агентства слоган невероятной

---

¹⁹ Богатая коллекция такого рода «офисных заморочек» собрана в этой записи в ЖЖ трехлетней давности: <http://zurfreude.livejournal.com/312545.html>. Предупреждение: в комментариях в изобилии содержатся непарламентские выражения.

креативности и оригинальности, что-то в духе «ключ к вашему успеху»; приза, разумеется, никто не получил.

Это все такие мелочи, так не похожие на пытки в милиции или закрытие оппозиционной газеты, да и вообще вряд ли к правам человека отношение имеющие, если не вдаваться к тому же, ни у кого en masse и не вызывающие особого возмущения: не нравится запах – отойди и не нюхай.

7.

Отойди и не нюхай. А куда отступать? Вариантов два. Первый – прекращение офисной карьеры. Эмиграция в «дворники и сторожа», во фриленс или в Латинскую Америку. Вариант соблазнительный, особенно если послушать, как эмигранты расхваливают возможность ложиться спать и вставать, когда хочется, и не делать то, чего делать не хочется, с каким удовольствием они пользуются словечками типа «офисный планктон» или «офисное рабство». Однако понятно, что почти неизбежная обратная сторона этой медали – маргинализация и социальная дезадаптация, потеря статуса, доходов,²⁰ а частенько и профессиональная деградация и заметные потери в качестве круга общения; в целом – снижение социального стандарта жизни.

Второй – духовная эмиграция, перенос смысловых акцентов и ценностей с работы в свою собственную, личную Внутреннюю Монголию, «отсидка» на работе положенного «срока» с кукишем в кармане. Тоже недешево: восемь часов мы спим, восемь часов работаем, да минус усушки-утруски времени – на «настоящее» остается совсем чуть-чуть. Треть жизни – это слишком много, чтобы с легким сердцем поставить на ней крест, вычеркнуть из сферы важного, осмысленного, «полезного».

8.

Еще одна специфическая черта именно офисной работы в том, что она позволяет слегка бить баклуши на рабочем месте, это технологически возможно. Согласно некоторым источникам «слегка» – это в среднем два часа рабочего времени в день, которые уходят на серфинг в Интернете, разговоры с коллегами, личные дела и так далее. Причем чем моложе сотрудники, тем они ленивее.²¹

Пик активности на Интернет-ресурсах, связанных с общением, приходится на период с 10 до 18 часов, с понедельника по пятницу. Интернет-серфингу скучающего офисного работника обязаны своим

---

²⁰ Фриленсер, если только он не специалист национального уровня, знает, что такое три дня не есть, когда совсем нет денег, или три дня не спать, когда есть работа, просто не любит об этом рассказывать: такого рода детали портят всю «легенду» о его свободе, которой он так гордится.

²¹ <http://www.os-zone.ru/modules/news/article.php?storyid=238>

существованием такие распространенные термины, как «пятничный пост»²² или аббревиатура NSFW²³ (not safe for work). Ну и, конечно же, неслучайна мегапопулярность именно в среде «офисного планктона» мультяшной Масяни с ее бессмертным «Але, кто это? Директор? Да пошел ты в ****, директор, не до тебя сейчас!»

9.

Офис выползает из отведенных ему границ, как Мишкина каша, лезет и лезет наружу. Если хочется обрить одну половину головы, а другую выкрасить в зеленый цвет, увы, никак не получится щеголять в таком виде только до и после работы. Если хочется пойти на митинг, стоит подумать, не отразится ли попавшая в газету ваша фотография на репутации, а то и на фактическом положении (вдруг митинг оппозиционный?) фирмы.²⁴ Если хочется купить машину марки «Форд»... - все в порядке, лишь бы организация-работодатель не имела никакого отношения к концерну «Мицубиси». Кстати, этикетное правило, согласно которому нельзя приходить на работу два дня подряд в одной и той же одежде – из этого же ряда.²⁵ Офис решает, что в частной жизни допустимо, что – нет; и единственный способ делать недопустимое – конспирация.

Офис навязывает образ мыслей, и это санкционировано обществом и государством. В качестве примера можно привести запрет антимонопольным министерством пару лет назад рекламного ролика со слоганом «О чем женщина думает на работе?». Героиня ролика на работе думала о домашних делах (уборке или стирке), потом вспомнила о рекламируемом моющем средстве, перестала беспокоиться о хозяйстве и предалась мечтам о пляжах и пальмах. По ходатайству КонфОП ролик был снят с проката как дискриминирующий женщину-работницу. Оставив за скобками гендерный вопрос,²⁶ обратим внимание на смысл нормативного решения государственного органа исполнительной власти: определенный образ мыслей объявляется недопустимым и подвергается цензуре.

---

²² Имеется в виду, что в пятницу работник расслаблен перед выходными и бездельничает больше, чем обычно. Соответственно, пятничный пост – сообщение, рассчитанное на ведение в обсуждении даже по Интернет-меркам пустопорожней болтовни.

²³ Правила этикета предписывают сопровождать таким предупреждением ссылки на картинки фривольного содержания.

²⁴ И ладно бы митинг: в блогосфере бродит расхожая байка-страшилка об американской стюардессе, уволенной за публикацию в своем блоге фотографии в служебной униформе.

²⁵ В инфлайт-магазине, кажется, «Пермских авиалиний», кажется, за май 2006 года, была статья о расчете «коэффициента консервативности» мужского делового костюма. Оказывается, должная расцветка галстука (причем речь не о «хулиганских» галстуках, а о выборе между ромбиками и полосками) зависит от сферы деятельности, должности, частоты и уровня внешних контактов, и так далее. Еще, говорят, существует такое правило этикета, согласно которому у системного администратора мобильный телефон должен быть более «навороченным» с технической точки зрения, чем телефоны других сотрудников, но менее «крутым», чем телефоны высшего руководства.

²⁶ Я сильно сомневаюсь, что если бы героем рекламы, скажем, суперклея был мужчина, и он сначала беспокоился бы о ремонте чего-нибудь, а потом, сообразив, что суперклей ему поможет, переключился бы на грезы о рыбалке или футболе, кому-то пришлось бы в голову счесть такой ролик дискриминирующим мужчин. Но оставим это на совести горе-феминистов.

Власть офиса над человеком помогает превратить «бубновый» интерес работодателя в нравственное правило для служащего. Например, требовать повышения жалованья на том основании, что есть предложение от другой фирмы о переходе туда на работу на более выгодных условиях – неэтично.²⁷

В некоторых случаях «бубновый» интерес, интерес фирмы действительно заставляет нарушать общепринятые нормы морали и/или законности. В эпиграф этого эссе вынесена цитата из «Бойцовского клуба» Паланика. Вспомним, в чем состояла работа главного героя. Он рассчитывал, как выгоднее поступить при обнаружении в автомобилях конструктивных недостатков, влияющих на безопасность. Формула проста: величину выплачиваемой компенсации нужно умножить на вероятность несчастного случая и сравнить полученную сумму с издержками на конструктивное изменение модели. Если она окажется меньше, люди будут гибнуть и дальше. Но это беллетристика.

А на практике исполнительные директора и бухгалтеры сплошь и рядом вольничают с фискальным законодательством и годами «ходят под статью»,²⁸ чтобы сэкономить деньги фирмы: налоговая экономия – часть той работы, за которую им платят зарплату (даже не процент с награбленного!). Сотрудники фирм, занятых оказанием разнообразных розничных услуг, осознанно и целенаправленно лгут клиентам, чтобы добиться заключения контракта и получения денег. Интересно, как они внутри себя переживают свои действия: то ли так и живут с осознанием совершаемого греха, то ли находят оправдания, то ли выстраивают релятивистскую персональную этику, просто исключаящую обманываемых из разряда подлежащих честному обращению?²⁹ Интересно, какие чувства испытывали руководители гигантов американского телекома, согласившись поставлять органам госбезопасности США приватные данные о телефонных переговорах граждан?³⁰ Боюсь, что патриотические...

10.

Отойди и не нюхай. Или принюхайся, перестань воротить нос от запаха, полюби его. Это, пожалуй, проще всего. Это чаще всего и происходит, иначе доля офисного труженика станет невыносимой. Более того, и работа станет невыполнимой. Это гайки на конвейере закручивать можно с любым отношением к делу, да и то до определенного предела. А любая офисная работа, даже самая простая – это работа головой, она требует некоторого минимального уровня креативности. Тем более сложная: если не хотеть сделать проект хорошо, он и не будет хорош, по way. Гайка, наверное, тоже, но на гайку есть ГОСТ, а на решение управленческой задачи, на результат экспертного труда – нет.³¹ И в этом смысле

---

²⁷ <http://hh.ru/contents/publication/print.do?publicationId=714>

²⁸ Здесь речь о действительно нелегальных финансовых операциях типа «обналички».

²⁹ Подобно тому, как интуитивное представление о правах человека существовало везде и всегда; просто понятие «человек» в разное время и в разных культурах не включало рабов /женщин /чернокожих и т.д. (мысль «подсмотрена» у И. Аверкиева и Д. Драгунского).

³⁰ http://www.usatoday.com/news/washington/2006-05-10-nsa_x.htm

³¹ Строго говоря, некоторые стандарты есть, конечно. Но результат может полностью им соответствовать и при этом быть ни на что не годным.

административная работа дает поле для реализации энергии и талантов. Одаренный менеджер, финансист, коммуникатор, вдруг возненавидевший конторский уклад за его лицемерие, тотальность и абсурдность,³² оказывается в драматическом внутреннем конфликте с самим собой.

Тут тонкость. Если отбросить левацкий пафос – ведь действительно не все в деятельности фирм дурно, не всякая работа скучна и бессмысленна, не всякие правила суть неволя и, наконец, далеко не всем нужна «недопустимая» частная жизнь. Но именно поэтому так неуловима грань между выбранным и должным, между предпочтением и вменением. «Места, где земля закругляется», где начинается насилие, не найти, оно где-то внутри. Может быть, есть, а может быть, и совсем нет. Именно тут и сидит искус всю сферу отношений, связанных с офисом, либо обелить, либо очернить и, как следствие, либо полностью принять, либо полностью отвергнуть.

11.

При этом интериоризация ценностей, связанных с офисным способом производства (трудоголизм, стабильность, коллективизм, карьера, рост корпорации, страх оказаться лузером), имеет пределы.

Если тот свет существует, что скажет офисный труженик, когда придет время отчитываться? Как он ответит на вопрос «Что ты сделал в земной жизни?» - «Я был эффективным менеджером среднего звена»? Как-то жиденько. Врач отчитывается вылеченными людьми, военный – защитой Родины, мастеровой – добротными вещами, домохозяйка – хорошими детьми. На этом фоне ежемесячная сдача НДС или аккуратные протоколы заседаний совета директоров на смысл жизни не тянут.

В социальной жизни клерка страшно не хватает романтики. И не будет хватать, работа такая. Ее надо либо искусственно изобретать (и изобретают; по существу, все приемы, направленные на мотивацию, оно и есть), либо привносить снаружи. Либо отказаться от романтики, объявив ее инфантильной завиральной идеей.

12.

Офисный труженик и неромантичен в том, что касается устройства общества и своего места в нем. Он не склонен участвовать в каких-либо гражданских инициативах. И времени нет, и не верит он давно уже никому, и бесполезно это для карьеры. Разумеется, за исключением членства в «Единой России» и участия в «путингах», но это и не в счет: все понимают, что такого рода деятельность – не зов совести, а разновидность налога.

---

³² От налета абсурдности в кафкианском стиле никуда не деться – такова логика «бумаги», «документа» как особой формы реальности, как отпечатка, слепка с одной стороны, совсем нематериального мира слов, идей и знаний, с другой – совсем материального мира людей и вещей.

Спустить пар можно, поучаствовав в какой-нибудь Интернет-склоке по острым вопросам текущего момента.³³ Роберт Патнэм в своей статье «Таинственное исчезновение общественной Америки» (1995)³⁴ обвинил в разрушении социального капитала телевидение. Трудно сказать, какова с этой точки зрения роль Интернета. Видимо, двойка: как «окно в мир» он мало чем отличается от телевидения; в то же время обеспечивает возможность моментальной и чрезвычайно эффективной коммуникации. Однако такая коммуникация, по меткому выражению А. Аузана, зачастую ни что иное, как «строительство мостов вдоль реки». Да, легко и быстро найти людей со схожими интересами и взглядами где угодно, хоть в другом полушарии. Но что можно сделать вместе с ними за рамками виртуального пространства? Как, кроме как созданием иллюзии, что что-то происходит, заполнить вакуум непосредственно вокруг самого себя? Никак.

Я возьму на себя смелость предположить, что главный враг гражданской, в том числе правозащитной, деятельности – не государство с его подчас весьма экстравагантными выходками и не активные консерваторы с их ксенофобией и великодержавностью. Главный враг – это десять миллионов людей, для такой деятельности закрытых. Это вязкая, ватная среда с колоссальной инерцией, среда, в которой ничто не резонирует. Это среда, из которой практически невозможно рекрутировать гражданских активистов, и, хуже того, среда, которой крайне сложно «продать» какие-то отличные от ее собственных представления об успехе и критерии успешности.

Поэтому клерк по дефолту будет оценивать гражданского лидера в рамках своей, клерковой, корпоративной системы координат и ценностей, раскладывать на привычные и понятные категории карьеры и прибыли. Поэтому клерк с таким аппетитом съедает пропагандистский штамп о правозащитниках, продающих родину за американские гранты. Вот как это выглядит с его точки зрения: они точно так же продаются, как и я, но я, в отличие от них, не ряжусь в белые одежды и не призываю весь мир послушать, как пепел Клааса стучит в мое сердце.

Офисная среда пуще огня боится неуспешности. Так что второй расхожий стереотип – что в правозащитники пошли те, кого не взяли в бизнес – ненамного лучше. Пока человек гражданский в глазах человека офисного не более, чем чудаковатый неудачник, лузер, он и будет оставаться нон грата и выдавливаться, вытесняться на маргинальные обочины.

Для мейнстрима правозащиты клерки – действительно не целевая «клиентская группа». Недепривированная, нестигматизированная, никаким особенным ужасам не подвергается. Но сбрасывать их со счетов как целевую аудиторию было бы по меньшей мере легкомысленно.

Ведь самая распространенная претензия «общественного мнения» к правозащитникам состоит в том, что те защищают только чеченских террористов, солдат-дезертиров и Ходорковского, а до обычных людей с их

---

³³ От чтения в этом жанре волосы дыбом встают. Даже вдесятеро меньшая степень агрессии («в реале») привела бы к массовому смертоубийству. Сублимация!

³⁴ <http://www.stakeholder.ru/concept/soccap/patnem.htm>

обычными проблемами им нет дела. Этот упрек справедлив в двух отношениях.

Во-первых, такой перекося действительно существует, по крайней мере, в медиа-пространстве. Да, это во многом объясняется и «социальным заказом», действительно существующим для СМИ в связи как с официальной недоброжелательностью российского государства к гражданской деятельности, так и со спецификой жанра, нуждающегося в громких новостях и информационных поводах с узнаваемыми по фамилиям фигурантами. В результате информация о повседневной рутинной работе правозащитных и, шире, гражданских организаций с «простыми людьми» (помощь избитым в милиции, защита прав детей, недопуск солдат-срочников в Чечню, экологические акции местного масштаба и другое) обычно не попадает дальше страниц местных изданий. То есть на национальном уровне мессидж об массово-полезной работе и роли этого сектора не распространяется.

Но, положив руку на сердце: а он вообще-то исходит ли, этот мессидж? Каково в правозащитном гражданском государстве место пресловутого простого человека с его простыми и приземленными проблемами (не труба вдоль Байкала, а городская свалка, не гей-парад, а адские пробки на правительственных трассах, когда перекрывают движение, чтобы пропустить машины с мигалками)? Случайность ли, что дело Щербинского «подняли на щит» и «распиарили» не правозащитники?

Во-вторых, если оппозиционный журналист или нелегальный иммигрант действительно нуждаются в защите больше, чем благонадежный менеджер по продажам с безупречной пропиской (я думаю, что да, больше), то это надо объяснять. Просто из уважения к этому самому менеджеру. Однако внятных, доступных, изложенных не птичьим языком и не на правозащитных междусобойчиках объяснений катастрофически не хватает.

Упреки в адрес гражданских активистов носят общий характер. Но применительно к офисной целевой аудитории они особенно горьки: тут аргумент о цензуре и об отсутствии каналов коммуникации сбивает. У клерка доступ в Интернет есть значительно чаще, чем у продавца в ларьке или воспитателя в детском саду. Но чем сайты правозащитных организаций могут привлечь скучающего офисного работника? Как там по части жжения глаголом сердец этих людей?

13.

Офисная аудитория, разумеется, не гомогенна. Среди молодой, значимой для будущего России ее части наличествуют и типажи, выделенные и описанные А. Марченковым:³⁵ космонавты, растиньяки, бумеры и ушельцы.

---

³⁵ В тексте «Правозащитный карасс в ювенильном море (эссе о молодежных практиках, близких идеологии прав и достоинства человека)».

Можно (и нужно, если у кого-то все же дойдут руки до адресованного клеркам правозащитного пиара и рекрутинга) попробовать прикинуть, что гражданское поприще в состоянии предложить каждому из этих типов, за какие эмоциональные и ценностные струнки зацепить. Первое, что приходит в голову, очень грубо, абрисно:

- Космонавтам – еще одну парадигму прорыва и еще один challenge в меню, идею о том, что именно тут можно сделать что-то совершенно уникальное, решить задачу, не имеющую решения.
- Растиньякам – прикладную полезность, тогда они могут стать лояльными клиентами; дополнительное измерение в картину «правильности», справедливости мироустройства; в идеале (правда, это совсем не сейчас) - новые статусные приличия.
- Ушельцам – занятость (работу или волонтерство) в гражданском секторе как способ ушельничества от офисной рутины.
- Бумерам... С ними труднее всего. Не знаю. Уж слишком они язычники для глубоко европейского по своим корням, по родовой принадлежности дискурса гражданского общества и прав человека, слишком горяча у них кровь для этого интеллигентского идеала. Может, и хорошо, что попытки их использования как прорывной отряд гражданского акционизма заведомо обречены на провал (потому что «не поведутся», «не цепляет»): а то это было бы слишком аморально (неполиткорректный синоним для прорывного отряда – «пушечное мясо»).

14.

С чем же правозащитнику и, шире, гражданскому лидеру можно «идти в народ»?

Во-первых, со своей прямой миссией, с защитой прав. Ведь права клерка (это чуть шире, чем только трудовые права; скорее всего, это весь комплекс прав, связанных с работой) никто не защищает. Левацкие политические организации серьезной социальной базы в офисе не находят, поскольку разрушать капитализм никто в общем и целом не расположен. Классические профсоюзы для этого не приспособлены, поскольку офисный труд плохо поддается квантификации и стандартизации. Скорее интересны профессиональные ассоциации (бухгалтеров, юристов и так далее) в той мере, в какой профессиональное саморегулирование размыкает, чуть-чуть раскрывает вовне «закуленность» корпораций, однако в настоящее время заметной роли они не играют. Так что место есть.

Тактика правозащитной работы в офисе требует адаптации под специфику аудитории. Это скорее просветительство, чем «борьба». Необходимо создавать (прежде всего в своих собственных организациях!) образцы неунижающих, гуманизированных моделей офисного труда и тиражировать их как success stories. Необходимо работать с топ-

менеджментом корпораций, раскрывая практические преимущества уважения базовых прав (права на отдых, права на участие в объединениях, права на неприкосновенность частной жизни и других) и гуманитарных потребностей работников. Необходимо корректировать в этом направлении парадигму социальной ответственности бизнеса, добавляя в нее измерение, связанное с благоприятными условиями для любой внекарьерной, в том числе социальной, если не гражданской, самореализации людей. Тут могут сработать классические потребительские технологии независимого тестирования и рейтингования. Только обязательно надо найти этически легитимный, минимально агрессивный по отношению к работодателю и уважительный по отношению к тем многим, для кого работа и карьера ценны, вход в частное пространство офиса.

Но и «борьба»,³⁶ если у нее будет достойный результат, сослужит хорошую службу и офисным работникам, в целом работая на улучшение их мира, и правозащитникам, осовременивая их имидж, делая их более понятными и более «приемлемыми», меняя социальную эстетику гражданской деятельности.

Во-вторых, с поддержкой и поощрением любых grass-roots инициатив среди офисных тружеников. В статье «Страна на заре-2»³⁷ И. Аверкиев подробно писал о том, почему grass-roots инициативы сейчас необходимо поддерживать «вообще». Добавить к сказанному можно только, что для циничного, эгоистичного и занятого клерка единственный способ (точнее, шанс) социализации – это увидеть свой собственный, личный успех в каком-то деле, фактический и осязаемый результат личного вклада. А это возможно лишь на микроуровне.

Это даст ту самую романтику, по которой иногда тоскуют люди, не желающие быть всего лишь офисным планктоном.

---

³⁶ То есть непосредственное применение таких гражданских и правозащитных технологий, как юридическая помощь, включая судебную защиту, общественные кампании, гражданский контроль, гражданский мониторинг, лоббирование и многое другое.

³⁷ <http://prpc.ru/averkiev/060201.shtml>